

**"Исламское государство" как инструмент и повод
изменения регионального баланса сил:
уроки на перспективу**

Сергей Саркисян *

Чем дольше длится конфликт в Сирийской Арабской Республике (САР), тем сильнее он оказывает влияние на ситуацию во всем регионе Ближнего Востока, втягивая в воронку противостояния все больше государств. Наличие и разрастание в Сирии и Ираке "серой зоны", которую центральные власти этих стран уже давно не контролируют, а те силы оппозиции, которые позиционируют себя как демократические или, хотя бы, как умеренные, так и не смогли взять под свой контроль, привело к созданию нового квазигосударственного образования с динамично меняющимися границами. С ростом своих политических амбиций и на фоне идеологического и пропагандистского успеха, подкрепленного военными победами, оно последовательно меняло свое название с региональной привязкой, как то "Исламское государство Ирака" (2006 год), "Исламское государство Ирака и Леванта" ("ИГИЛ", 2013 год) на географически неопределенное и более емкое "Исламское государство" ("ИГ", 29 июня 2014 года).

Основными причинами его зарождения и развития, в частности, стали:

1. Недооценка поддержки президента Башара Асада со стороны сирийцев. Ее степень вполне четко определяется во-первых, результатами выборов, проведенных 3 июня 2014 года в условиях войны, на которых ему отдали свои голоса 88,7% избирателей. Во-вторых, тем, что даже после 4,5 лет гражданского противостояния, разросшегося до повстанческой войны, в условиях экономического и политического давления извне, властями Сирии до сих пор контролируется территория, на которой проживают 80% населения страны. В-третьих, поддержка президенту подтверждается и многолетним активным участием

* Подполковник (в отставке) Сергей Саркисян, старший научный сотрудник Центра стратегического анализа Spectrum, Ереван.

различных по конфессиональной и этнической принадлежности групп народного ополчения в бескомпромиссном и беспрецедентном по своей жестокости вооруженном, политическом, информационном и идеологическом противостоянии. Причем, зачастую в условиях блокадной автономии и невозможности получения поддержки от Дамаска. Последнее, в принципе, свидетельствует о рациональности выбора ими своей политической позиции и стороны в конфликте.

2. Переоценка сил оппозиции, формально ориентированной на США и ЕС – как по количеству ее активных сторонников, так и по глубине и устойчивости ее мотивации, по ее готовности к долговременному вооруженному противостоянию.

3. Но главное – это недооценка идейной привлекательности, военного и мобилизационного потенциала террористических группировок, обосновавшихся в Сирии и Ираке.

Эти ошибки автоматически привели к тому, что отличное знание и эффективное использование тонкостей межконфессиональных, межэтнических, родоплеменных связей и противоречий в Сирии, Ираке и Ливане, а также особая степень жестокости в насаждении своих порядков, сделали "Исламское государство" основной военно-политической силой, оппозиционной Дамаску.

Следует отметить, что в Вашингтоне и европейских столицах, по крайней мере, на экспертно-аналитическом уровне, уже в 2012-13 годах прекрасно понимали, что этот конгломерат террористических организаций рано или поздно станет самостоятельной и самодостаточной силой, и одной из основных проблем региона. Однако в рамках принятой в США методологии решения проблем в порядке их поступления, которая была применена в Афганистане, Ираке и Ливии, и там же весьма наглядно продемонстрировала свою полную несостоятельность, этой угрозе была отведена второстепенная роль. После изучения мнения экспертов, политическое решение было принято из расчета на то, что "проблема с режимом Башара Асада" будет успешно решена в кратчайшие сроки, и в основном, силами самой сирийской умеренной оппозиции.

При таких ожиданиях, возможная активизация и укрепление "ИГИЛ" рассматривались как сопутствующие издержки, которые при необходимости – в случае выхода ситуации из-под контроля, будут купированы уже после

достижения основной цели – свержения Б. Асада. В то же время, определенную индульгенцию "ИГИЛ" получило и за свое активное антиасадовское позиционирование. Тактика использования этой группировки базировалась на ложных представлениях о том, что она в первую очередь будет занята локальными проблемами укрепления собственной структуры и борьбой за влияние с другими террористическими группами. И будет просто вынуждена перенести фокус активности с Ирака¹ на ослабленную гражданской войной Сирию. А вне ее территории – ограничится лишь мобилизационной активностью, то есть, предполагалось, что она станет одним из инструментов по свержению режима Б.Асада.

Поэтому проблеме усиления группировки не уделялось должного внимания, достаточного для пресечения роста его влияния и расширения контролируемой им территории, причем мало что изменилось и после начала против нее воздушной операции международной коалиции во главе с США в сентябре 2014 года.

Переход "Исламского государства" от, в основном, террористической деятельности, к ведению повстанческой войны, объявление о создании "Халифата" (29 июня 2014 года), формирование структур управления, масштабная пропаганда проводимой на контролируемой им территории "справедливой исламской" социальной политики, создали ему имидж успешного исламистского бизнес-проекта в глазах его сторонников из многих государств и значительно расширили сферу привлечения их сил и возможностей.

Так, Андре Пулен, выходец из Канады, более известный как Абу Муслим аль-Канади, выразил эту мысль в сентября 2014 года в очередном видеообращении "ИГ": "Знаете, есть роль для всех. Каждый человек может внести свой вклад в Исламское государство... Если вы не можете сражаться, вы даете деньги, если вы не можете дать деньги, то вы можете помочь технологиями, и

¹Ирак имел и широкую политическую поддержку США, и армию, которая, как предполагалось, в состоянии дать "ИГИЛ" отпор, и на обучение и вооружение которой США потратили около 20 млрд долларов.

если вы не можете помочь технологиями, вы можете применить некоторые другие навыки"².

Вместе с тем, с укреплением "ИГ" им было утрачено одно из преимуществ, которые имеют террористические организации. Группировка приобрела не только атрибуты и символы государственной власти, но и обширную объектовую инфраструктуру, которая очерчивала границы ее устойчивого контроля, но могла быть легко идентифицирована и уничтожена.

Однако к середине 2014 года, когда в Вашингтоне и Брюсселе, может, и поняли полную несостоятельность умеренной сирийской оппозиции, ее незначительную роль в военном противостоянии и скромное место в политическом спектре Сирии, "ИГ" выдвинулось на лидирующие позиции в противостоянии с Дамаском, и ни о какой эффективной и результативной военной операции против Б.Асада без его участия говорить уже не приходилось. Как следствие, радикальное решение проблемы с "ИГ" фактически вновь было отложено на "постасадовский" период. Это отразилось на боевой эффективности воздушной операции, проводимой международной коалицией под руководством США с сентября 2014 года: несмотря на бомбардировки, "ИГ" только расширяло свою территорию, укрепляло систему управления, наращивало бюджет и усиливало атаки на правительственные войска как Сирии, так и Ирака.

В мае 2015 года "ИГ" захватило 800-тысячный город Рамади – столицу иракской провинции Анбар, примыкающей непосредственно к Багдаду, достаточно легко выбив оттуда подразделения иракской армии. А успехи "ИГ" на сирийском фронте летом 2015 года вынудили президента Сирии Б. Асада официально обратиться к руководству России с просьбой об оказании военной помощи.

То, что основным, наиболее опасным противником действующей власти САР стала террористическая группировка "ИГ", против которой уже действовала, правда, без очевидного успеха, международная коалиция, дало России прекрасный повод для начала 30 сентября 2015 года собственной воздушной операции с нанесением точечных ударов по позициям "Исламского государства" Воздушно-космическими силами

²The Islamic State. *Al-Hayat Media Presents: Al-Ghuraba The Chosen Few of Different Lands: Abu Muslim from Canada*, July 12, 2014, p.4. Доступно на: <https://archive.org/details/AlHayatAbuMuslimSubIndo>

(ВКС). 7 октября по ним был нанесен ракетный удар и с кораблей Военно-морского флота РФ, дислоцированных в Каспийском море.

Начало Россией военной операции, как минимум, стабилизировало военную, и внесло существенные изменения в политическую ситуацию в Сирии и в регионе в целом:

- остановило наступление "ИГ";
- укрепило позиции тех суннитских движений и группировок в Сирии, которые, будучи недовольны распространением в стране радикального исламизма, сделали свой стратегический выбор в пользу Б.Асада;
- внесло раскол в ряды вооруженной оппозиции, показав, что у действующих властей САР, помимо Ирана и шиитских движений региона, есть последовательный и мощный в военном отношении союзник, для которого неприемлемо свержение режима Асада силой оружия, и в этой ситуации ставка на "ИГ" становится проигрышной, и попросту подводит под удар ВКС РФ;
- нанесение основного удара по "ИГ", "Джабхат ан-Нусра" и некоторым другим террористическим организациям повысило шансы на выживание других группировок, не связанных, или неочевидно связанных с "ИГ", в том числе, и через их легитимизацию в межсирийском переговорном процессе;
- вынудило Турцию, с учетом ее курдской проблемы, предпринять решительные шаги по противодействию развитию ситуации в Сирии по сценарию, предполагающему сохранение у власти Б.Асада, обещавшего повысить статус автономности курдских регионов страны.

Логика действий Турции основана на выводе о необратимости процесса дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Сирии и переходе ее в состояние перманентной неустойчивости с тенденцией к угрожающему нарастанию социально-экономических и политических проблем, вплоть до распада САР как единого государства.

Сделав решительную ставку на "Исламское государство" как на инструмент:

- изменения политической карты региона;
- подавления курдского движения Сирии, все более приобретающего черты самостоятельной силы;

-внесения раскола в курдские общины региона, в которых нашлось немало сторонников "ИГ";

-купирования укрепления курдской трансграничной солидарности;

-нависания военной угрозы над Иракским Курдистаном, противостоять которой без посреднической роли Анкары будет весьма проблематично, –

Турция оказалась вынуждена защищать его, исходя из собственных стратегических интересов, и несмотря на перспективы столкновения с интересами других региональных и глобальных держав.

Поэтому прямое участие ВС РФ в сирийском конфликте, в котором непосредственное и активное участие принимает террористическая группировка "ИГ", привело к прямому столкновению интересов Анкары и Москвы.

Исторически, отношения между Россией и Турцией в те периоды, когда они не находились в состоянии войны, очень напоминают сеанс одновременной игры в военно-политические шахматы на географически разнесенных досках – у каждой партии своя логика, интрига, свои фигуры, но все они взаимосвязаны и являются частями одной большой мозаики противостояния. Его элементы с разной интенсивностью проявляются от Молдовы и Крыма через Северный и Южный Кавказ до Урала и Центральной Азии. А на фоне активизации обоими государствами своей внешней политики, новой и наиболее ожесточенной точкой противостояния стала Сирия.

Россия крайне заинтересована, в первую очередь, в сохранении Сирии в качестве своего союзника в регионе; как звено, укрепляющее в ситуации совпадения геополитических интересов, связи Москвы и Тегерана; в продолжении, а в дальнейшем, и в интенсификации эксплуатации своей военно-морской базы в городе Тартус; в расширении сирийского рынка вооружений и военной техники для продукции своего военно-промышленного комплекса.

Интересы Турции обусловлены общей активизацией ее внешней политики по всем направлениям, особенно в границах бывшей Османской империи, и в Сирии сконцентрированы на решении таких проблем, как:

-исключение использования районов страны с компактным проживанием курдского населения в качестве тыловых баз Курдской Рабочей партии (КРП) Турции;

-недопущение приобретения КРП тем или иным путем современного вооружения с сирийских военных складов;

-смещение алавитской элиты САР;

-противостояние с Ираном с прицелом на единоличное лидерство в регионе и тому подобное.

Несмотря на то, что Турция в Сирии не ставила изначально своей целью нанесение ущерба интересам России, однако в силу объективных причин, фактически к этому подошла. И инцидент, подобный уничтожению 24 ноября 2015 года в небе над Сирией российского военного самолета Су-24, рано или поздно должен был произойти; более того, с высокой долей вероятности можно предположить, что он далеко не последний.

В качестве причин, побудивших руководство Турции отдать приказ на уничтожение российского бомбардировщика, выполнявшего задачу по уничтожению объектов террористической организации "Исламское государство" на севере Сирии, как правило, приводятся:

-финансовые потери Турции, и в первую очередь, клана президента страны Реджепа Тайипа Эрдогана от сокращения незаконных поставок "ИГ" сирийской нефти.

-эффективность операции ВКС РФ по уничтожению объектов военной и промышленной инфраструктуры и живой силы "ИГ", которое на данном этапе объективно является союзником и инструментом Анкары по переформатированию баланса сил во всем регионе Ближнего Востока.

Несмотря на то, что эти факторы, безусловно, имеют место, излишнее фокусирование на отношениях Турция-"ИГ", без выяснения более глубоких причин, вызвавших готовность Турции пойти на боевое столкновение с Россией, несет в себе опасность для ошибочных выводов о противостоянии интересам Москвы лично Р.Т. Эрдогана и его ближайшего окружения. Как следствие, создается представление о возможности разрешения ситуации и неповторения подобного прецедента в дальнейшем через естественное электоральное изменение политического расклада сил в самой Турции, пусть и при оказании определенного давления на политику и экономику страны извне. В этом случае

предсказуемо, что ставка будет сделана на "более адекватного" премьер-министра Ахмета Давутоглу.

Однако, как представляется, фактор, собственно, Р.Т. Эрдогана и его Партии справедливости и развития (ПСР) в сирийском кризисе в целом, и в уничтожении Су-24, в частности, только помог более четко очертить объективные процессы, имеющие место в турецком обществе, и привел к более открытой артикуляции тех целей, которые преследовала турецкая элита на протяжении всего существования Турецкой Республики.

Уничтожение российского Су-24 дало понять государствам ближневосточного региона – а политика именно на этом, региональном уровне и является для Турции принципиально значимой, – высочайшую степень готовности Анкары к защите своих стратегических интересов. Инцидент является результатом принятия решения той же системой и в той же плоскости, что и отказ Турции в 2003 году предоставить свою территорию и открыть свои границы с Ираком для содействия США в проведении операции по свержению Саддама Хусейна.

В этом же ключе следует рассматривать и имевшее место в июле 2003 года, по крайней мере, одно прямое боестолкновение подразделений Турции и США. Тогда американские военнослужащие захватили на севере Ирака одиннадцать бойцов спецназа ТР. Турции был нанесен хоть и не боевой, но весьма обидный моральный урон. Однако в случае своей пассивности и молчаливого оказания помощи США вразрез со своими национальными приоритетами, а затем и полного самоустранения Анкары от попыток использования объективно сложившейся ситуации в Ираке в своих интересах, она понесла бы куда более серьезные имиджевые потери – что на Ближнем Востоке равносильно стратегическому поражению, если не катастрофе.

А уже после уничтожения российского бомбардировщика, то есть после четкого обозначения своей позиции, все дальнейшие переговоры на разных уровнях и форматах, любое согласие на компромиссы и уступки, может быть, и весьма существенные, в худшем случае могут стать для Турции лишь тактическим проигрышем, и дополнительным стимулом для реванша.

Вместе с тем, во избежание максимально жесткой ответной реакции России, Турция запустила сразу несколько информационных операций, наиболее заметными и прямолинейными из которых являются:

-сведение инцидента к ошибке определения государственной принадлежности российского боевого самолета. Идет проведение параллелей с уничтожением в марте 2014 года МиГ-23 сирийских ВВС истребителем F-16 ВВС Турции;

-попытка представить события как вынужденную реакцию на грубое и преднамеренное нарушение воздушной границы Турции в условиях дефицита времени на принятие решения, с провоцированием открытия огня на поражение турецкой стороной отсутствием реакции российского экипажа на якобы имевшие место неоднократные попытки налаживания с ним связи;

-объяснить уничтожение Су-24 как ответ на нанесение российской стороной ударов по политическим противникам союзника Москвы президента Сирии Башара Асада, а не по террористам так называемого "Исламского государства", "Джабхат ан-Нусра" и аффилированным с ними структурам.

-в более узком варианте – как ответ на неприемлемые и неоднократно опротестованные Турцией удары ВКС России по родственному тюркскому народу – сирийским туркоманам. Причем, делается это, разумеется, без упоминания о том, что они в своем противостоянии с Дамаском и в надежде на существенную помощь со стороны Анкары, заключили тактическое соглашение с "ИГ".

Каждая из таких информационных операций рассчитана на свой потребительский кластер – в зависимости от степени его информированности о политической ситуации в Сирии, о системах боевого управления и возможностях военной техники. В этом контексте разные, порой противоречащие друг другу заявления Р.Эрдогана и других официальных лиц Турции работают на расширение поля для их маневра в дальнейшем, в зависимости от того, как будут развиваться события, и от реакции США и ЕС.

Тактика дальнейших действий Р.Эрдогана, как представляется, будет заключаться, в первую очередь, в приложении усилий по сведению ответной реакции России лишь к ограничительным действиям экономического характера:

а) в лучшем случае – к таким, как уже идущее сокращение трубоборота, введение визового режима, запрет на ввоз ряда товаров, в основном, продукции сельскохозяйственного

производства и т.п. - которые являются для Р.Эрдогана вполне приемлемыми;

б) в худшем – к более существенным, каким может стать отказ России от проектов строительства газопровода "Турецкий поток" и АЭС "Аккую". Определенного смягчения экономических последствий при таком варианте (при очевидной политической поддержке со стороны США и части государств ЕС) можно ожидать от получения дополнительных преференций на строительство АЭС в Турции уже корпорациями атомной отрасли США, и увеличения инвестиций в альтернативные российскому газопроводы из Азербайджана, Ирака и Ирана (с разной степенью проработанности, возможностями практической реализации, и долей военных и геополитических рисков).

Представляется, что готовность Анкары пойти на риск потери всех многолетних наработок своей политики в отношении России; налаженных связей, в первую очередь, экономического характера; перспективы превращения Турции в один из самых мощных в мире узлов распределения газовых потоков, вызвана тем, что в результате детального анализа хода операции ВКС РФ в Сирии, в Анкаре пришли к выводу, что ее политика находится на грани фатального геополитического проигрыша по таким направлениям, как:

-курдское и туркоманское – на ее южных и юго-восточных границах;

-общетюркское – с охватом ближневосточного, южнокавказского и центральноазиатского регионов, частично – Европы (Болгария, Албания, Молдова, Крым и Северный Кавказ РФ и т.п.) и Китая;

-противостояние с шиитским миром, и в первую очередь, с Исламской Республикой Иран.

Кроме того, 7 октября 2015 года появилась информация о том, что Ирак также намерен официально обратиться к России за помощью в борьбе с "ИГ" на своей территории³. Анкара увидела в этом потенциально еще большую опасность для своих энергетических интересов – имеющих и перспективных, – уже по вопросу импорта нефти из Иракского Курдистана. И поэтому

³*Ирак может попросить Россию о помощи в борьбе с экстремистами.* Радио Свобода, 07.10.2015. Доступно на: <http://www.svoboda.org/archive/radio-svoboda-news/32/16564/16564.html?id=27292939>

можно признать уничтожение российского Су-24 превентивной акцией по недопущению расширения операции ВКС РФ на Ирак.

В конечном итоге, Турция будет считать этот инцидент, и в целом, всю свою политику в отношении России оправданной и эффективной в случае оставления за собой возможности беспрепятственного проведения на территории Сирии и Ирака боевых действий любого характера. И наоборот, Турция будет считать свою политику ошибочной, если она понесет значительные политические и/или военные, а не только экономические потери.

С учетом особенностей восточного менталитета, боевые потери Турции должны укладываться в ту же категорию, что и сбитый Су-24. Безусловно, это чревато началом нового, более кровавого цикла военного противостояния Турции с Россией, и скорее всего, тоже имеющего непрямой характер, без признаков межгосударственного конфликта, но это позволит РФ утвердить себя в качестве серьезного игрока в ближневосточной политике и во всем тюркском мире, вернувшегося в регион всерьез и надолго.

В этом контексте очень показательными могут служить подобные инциденты, имевшие место в регионе в недавнем прошлом. Так, после уничтожения турецкого истребителя-разведчика RF-4E над Средиземным морем в июне 2012 года средствами ПВО Сирии, Турция фактически начала охоту за ВВС САР. Ответный удар ей удалось нанести только в июле 2014 года, уничтожив сирийский МиГ-23. Подобная же ситуация сложилась и с уничтожением 12 ноября 2014 года в зоне Нагорно-Карабахского конфликта (НКК) армянского вертолета Ми-24. Отсутствие симметричного ответа привело к беспрецедентному росту боевого духа ВС Азербайджана и заметному обострению ситуации в вооруженном противостоянии, которое продолжается и по сей день. Вследствие этого общие потери с обеих сторон достигли своего максимума со времени подписания соглашения о прекращении огня в мае 1994 года.

Вместо заключения

-Эволюция "ИГ" свидетельствует о том, что террористическая организация, имеющая четко сформулированную идеологию, используя разногласия региональных и мировых держав, локальные конфессиональные и этнические противоречия, временное ослабление по тем или иным причинам

власти в отдельной стране, вполне способна инициировать начало повстанческой войны и взять под свой полный контроль часть государства или региона.

-Опыт создания и развития "ИГ", технологий вербовки и мобилизации как прототеррористов, так и последователей самого широкого гражданского профиля, обязательно будет востребован и, скорее всего, повторен на практике, в первую очередь, в пределах максимальных границ объявленного "Халифата".

-Дальнейшим развитием бизнес-проекта исламистского терроризма может стать моделирование "с нуля" ситуации военно-политической нестабильности в каком-нибудь отдельном государстве или регионе, с созданием неподконтрольных центральным властям "серых зон" – для установления в них режимов, присягнувших на верность "ИГ" (или подобному образованию, которое придет ему на смену). Их основная задача – выкачивание сырьевых, финансовых, мобилизационных и других ресурсов для пополнения бюджета международного терроризма. В этом случае идея построения и расширения "ИГ" станет самодостаточной экономически. Кстати, иракский клерикал шейх Абу Саад аль-Ансари, правда, еще до начала операции ВКС России, обнародовал бюджет "ИГ" на 2015 год: он ожидался на уровне 2 млрд долларов, причем с профицитом около 250 млн долларов. Эти деньги, по его словам, должны были пойти на войну⁴.

-Если раньше международные исламистские террористические организации использовались как инструмент дестабилизации ситуации в том или ином государстве или регионе, то постепенно накопив необходимые финансовые, материальные, интеллектуальные и мобилизационные ресурсы, теперь они во многом сами смогут выбирать территорию не только для формального провозглашения ее очередной "провинцией Халифата", но и насаждения там реального квазигосударственного образования.

-Более глубокого изучения требует опыт некоторых стран по выдавливанию своих экстремистски настроенных граждан-сторонников "ИГ" в зоны открытого вооруженного противостояния (особенно, с семьями и ближайшим окружением), с

⁴*Бандитский халифат*. Журнал Коммерсантъ–Деньги, Москва, No.36, 14.09.2015. Доступно на: <http://www.kommersant.ru/money/90143>

пресечением возможности их возвращения назад уже с приобретенными навыками диверсионно-террористической и повстанческой деятельности.

-По мере утраты имиджа дееспособного государства, а особенно - после нанесения ему военного поражения в Сирии, "ИГ" будет вынуждено перераспределить географию и интенсивность своей повстанческой и террористической активности. В этой ситуации у Турции появится хорошая возможность стать своеобразным "диспетчером" части "свободных радикалов" исламистского терроризма, каким в 90-е годы, после захвата Афганистана талибами, стала Саудовская Аравия. Основные направления "канализации" их потоков – в зоны своих стратегических интересов, которые имеют высокий конфликтный потенциал, особенно, если там уже идет открытое вооруженное противостояние или наблюдается повышенная террористическая активность. В первую очередь, это юго-восток Украины, Северный Кавказ, Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, а в случае возобновления активных боевых действий – и зона Нагорно-Карабахского конфликта. Не отработан до конца потенциал "ИГ" и в зоне расселения туркоманов – на стыке интересов шиитов и суннитов; курдов, арабов и тюрок; Ирака, Турции, Сирии и Ирана.

-Турция внимательно изучила воздействие потока мигрантов из зоны сирийского конфликта на ситуацию в государствах Европы. Не исключено, что накопленный ею опыт и практические технологии по его инициированию будут использованы Анкарой применительно к находящимся в Турции трудовым мигрантам из Армении – в случае ухудшения, по тем или иным причинам (к примеру, из-за эскалации НКК), ее отношений с Ереваном. Здесь уместно напомнить о подобных угрозах Эрдогана и других официальных лиц Турции, звучавших ранее. Так, в интервью ВВС от 16 марта 2010 года Реджеп Тайип Эрдоган, будучи премьер-министром Турции, заявил, что Анкара, "если потребуется" может депортировать из Турции около 100 тысяч армян-нелегалов⁵.

⁵Реакции на заявление Реджепа Эрдогана о возможной депортации армян. Международное радио Франции, 21.03.2010. Доступно на: http://www1.rfi.fr/acturu/articles/123/article_5804.asp

Опыт "Исламского государства" в Сирии показывает, что террористическая организация, которая в состоянии инициировать затяжную повстанческую войну, скорее всего, станет в перспективе, наряду с "бархатными" технологиями, одним из основных инструментов подрыва стабильности в отдельном государстве, но имеет гораздо больший потенциал в вопросе изменения баланса сил в целом регионе, и вполне способна своими действиями спровоцировать глубокий политический кризис и втянуть в военный конфликт ряд государств.